

Чуныцзин прибыл в столицу, когда ночь уже вступила в свои права: в глубине переулков слышались мерные удары колотушки ночного сторожа.

Высоко подвешенные красные фонари слегка покачивались на ветру, и цепи издавали тихий, скрипучий звук. Красный свет падал вниз, вытягивая длинную тень одинокого путника.

Тихие шаги в затихшем переулке отдавались с удвоенной силой, словно удары барабана, отбивающие ритм прямо по барабанным перепонкам.

Чуныцзин остановился поодаль, нахмурившись при виде девушки, сидевшей у лапшичной Мианьмянь-цзюйдао. Она была одета в выцветшую темно-синюю одежду и съежилась, прижимая к себе плащ, который он накинуд на её плечи накануне. Зима уже отступила, но весенняя ночь все еще дышала прохладой.

Сквозь щель в дверях пробивался тонкий луч тусклого света, освещая девушку. Рядом с ней, тяжело дыша, стояла Хундоу.

Чуныцзин тихо вздохнул и направился к ним.

Циньлэ, краем глаза заметив тень на земле, взглянула на его обувь. Вскинув голову, она встретила с холодным взглядом Чуныцзина и поспешно вскочила. Плащ соскользнул с её плеч и упал на землю, но она даже не заметила этого, будучи полностью поглощена тем, чтобы протянуть ему миску, которую до этого держала в руках.

Чуныцзин посмотрел на чуть дрожащие руки Циньлэ, огляделся по сторонам, подобрал полы халата и сел на ступени. Подняв голову, он протянул руку.

Циньлэ на мгновение замерла, но тут же подала ему миску. Стоило ей снять крышку, как в воздухе разлился тонкий аромат. Она смотрела на Чуныцзина с замиранием сердца — от этой миски лапши зависела её судьба.

Чуныцзин глубоко вдохнул, поджал губы и кивнул. Сделав первый глоток, он на секунду замер, его зрачки слегка сузились, но затем он доел всю порцию до последней капли.

Он отставил миску, вытер рот, слегка откинулся назад, опираясь руками о ступени, и, не стесняясь, сыто икнул. Глубоко вздохнув, он посмотрел на ожидающее и встревоженное лицо Циньлэ, слегка усмехнулся и приподнял бровь:

— Ты здесь одна?

— Да.

— Я разве не спрашивал тебя о причинах, по которым ты решила продать себя? — Чуньцзин кивнул, задумчиво поджал губы и продолжил: — Судя по твоей решимости в тот день, это было ради возлюбленного. Почему же сегодня, в такой поздний час, его нет рядом, чтобы проводить тебя?

Циньлэ поджала губы, лишь сердито глядя на него, не желая произносить ни слова. Лишь спустя некоторое время она тихо сказала:

— Господин, скажите, пришлась ли вам по вкусу эта лапша?

Чуньцзин повертел миску в руках и рассмеялся:

— Хотя лапша немного остыла, но, видя, как бережно ты её несла, мне стало тепло на душе. Вкус, конечно, уступает лапше из Мианьянь-цзюйдао, но когда человек голоден, любая еда кажется необычайно вкусной.

Край миски был слегка щербатым, видно было, что посудой пользовались долго, но вымыта она была дочи́ста, и на дне не осталось ни следа жира.

Чуньцзин тихо пробормотал:

— Похоже, дела у тебя дома совсем плохи. Скорее всего, это последняя миска, которая хоть как-то сохранила свой вид.

Его длинные тонкие пальцы скользнули по краю, и скол на миске чудесным образом исчез.

Циньлэ спросила:

— Если господин доволен, может ли он выполнить вчерашнее обещание?

Чуньцзин достал из-за пазухи пять золотых монет и с мелодичным звоном опустил их в миску. Глубоко вздохнув, он поднялся, прошел мимо Циньлэ и вскочил на коня. Обернувшись к девушке, которая смотрела на него снизу вверх, он слегка нахмурился и спросил:

— В такой час, может, подвезти тебя домой?

Циньлэ попятилась и замахала руками:

— Нет-нет, не нужно!

— Тогда до встречи! — Чуньцзин словно только этого и ждал. Едва Циньлэ закончила фразу, он

пришпорил коня и умчался прочь, оставив в воздухе лишь эхо своих слов.

Сестра говорила, что мужчина должен обладать благородством: уметь проявлять галантность, но при этом не навязываться. Раз уж Циньлэ отказалась от его любезности, значит, пора прощаться. Он не любил лезть в чужие дела, да и быть объектом чьих-то вздыханий ему тоже не очень-то нравилось.

Стук копыт затих в переулке. Циньлэ проводила его взглядом, затем повернулась и села на ступени. Она взяла миску, слегка покачала её и, глядя на золотые монеты, звенящие внутри, облегченно выдохнула. Заметив у ног плащ, она посмотрела в ту сторону, куда уехал Чуньцзин, нахмурилась, подняла его и стряхнула пыль.

— Таким богачам, как он, на это совсем наплевать, — пробормотала Циньлэ, поглаживая ткань плаща. Тяжело вздохнув, она поднялась и пошла в противоположную сторону.

У каждой семьи свои горести.

Где-то вдалеке, у воды среди дикого леса, стрекотали насекомые и квакали лягушки, а огонек масляной лампы освещал скромное окно хижины.

<http://bllate.org/book/19782/1949326>